

ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ КАК ОБЪЕКТ «НАИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ»

В.Г.Дидковская, Л.А.Петрова*

PROVERBS AND SAYINGS AS AN OBJECT OF "NAIVE LINGUISTICS"

V.G.Didkovskaya, L.A.Petrova*

Гуманитарный институт НовГУ, *pobeda.49@yandex.ru*,
 *Боровичский педагогический колледж, *lapetrova.bpk@mail.ru*

В статье рассматриваются представления о пословицах и поговорках, закрепленные в языковой памяти носителей языка. Статья основана на результатах лингвистического эксперимента, проведенного авторами.

Ключевые слова: *паремиология, пословица, язык, лингвистический эксперимент*

The article considers the representation of Proverbs and sayings, enshrined in the language memory of native speakers. Article is based on the results of the linguistic experiment conducted by the authors.

Keywords: *paremiology, proverb, saying, linguistic experiment*

Изучение отношений, связывающих человека говорящего с родным языком, можно с полным основанием отнести к числу актуальных и важных проблем современной лингвистики, ищущей новые способы представления «языка в человеке». «В период бурных языковых перемен рефлексия над языком приобретает особое значение. <...> в метаязыковых комментариях воплощаются разные типы языковой личности, языкового сознания, речевой культуры, отражается осознание говорящим или пишущим своего речевого поступка, разясняются или мотивируются новые способы номинации, получают эстетическую оценку результаты лингвокреативной деятельности» [1]. К перечисленным видам языковой рефлексии следует добавить еще один, связанный с системой «образов» языковых единиц, сложившихся в языковом сознании носителей языка и образующих в «наивной лингвистике» аналог того сложнейшего феномена, который в научной лингвистике называют системой языка. Как пишет Е.С.Кубрякова, «уже Ф. де Соссюр говорил о том, что язык образуется в голове человека суммой всех словесных образов, общих для коллектива говорящих [2]. Каждый из говорящих на языке имеет представление о слове, звуке, сочетании слов и не затруднится «узнать» их, например, в тексте или составить достаточно пространную последовательность однотипных единиц. Об этом свидетельствуют результаты лингвистических экспериментов, направленных на решение различных научных задач теоретического и прикладного содержания, в частности, на исследование фрагментов внутреннего лексикона языковой личности. Выполняя задания, требующие воспроизведения слов определенного типа, или фразеологизмов определенной группы, или словосочетаний определенной модели, респонденты извлекают из языковой памяти именно требуемые единицы. Интересно, что если языковой тип ожидаемой реакции не будет указан, то и состав ассоциатов окажется разнотипным: слова, морфемы, предложения и др., как, например, в РАС на стимул **В** появились реакции *на, из, дом, чем, 1812 году, нет, даже!*

туда где, Ц, ящик и др. [3]. Однако полученные в результате лингвопсихологического или социолингвистического экспериментирования данные эксплицируют не только «что» и «как» хранится в языковой памяти носителей языка, но имеют и дополнительный, «побочный эффект», отражая сформировавшееся у респондентов представление о типичном составе единиц данного языкового класса. Тем самым создается возможность соотнести знания языка, его единиц и категорий, в том виде, в каком они хранятся в языковой памяти говорящих, с лингвистическими, научными описаниями.

Эти сведения имеют особый интерес в тех случаях, когда вопрос об объеме и границах типологической группы по-разному определяется в теоретических исследованиях, поскольку позволяют проверить научные гипотезы речевой практикой носителей языка. Для фразеологической теории на протяжении уже нескольких десятилетий остается нерешенной проблема определения качественно-количественного состава фразеологического фонда русского языка. Вопрос об объеме и границах фразеологии, хотя и утратил свою остроту и принципиальность для современной фразеологии, однако продолжает обсуждаться в связи с описанием разных типов ФЕ и их признаков, переходных явлений в сфере фразеологии и др. В работах по фразеологии последних лет в связи с активной фразеографической деятельностью вновь стал актуальным вопрос о соотношении пословично-поговорочного и фразеологического составов русского языка, о признаках пословиц и поговорок, с одной стороны, и фразеологизмов — с другой. Паремеология либо признается частью фразеологического фонда, как в трудах В.В.Виноградова, А.Л.Архангельского, А.М.Бабкина, В.Т.Бондаренко и др., либо рассматривается отдельно от фразеологии, как, например в концепции В.П.Жукова. В то же время традиционные термины, например, *поговорка*, наполняются новым (а скорее, старым, в духе В.И.Даля) содержанием, изменяющим сложившуюся типологию фразеологических и паремеологических единиц. Неоднознач-

ность научных мнений обусловлена как языковой природой самих исследуемых языковых феноменов, так и общими теоретическими установками исследователей. Как представляется, в этом и подобных случаях интересно сопоставить лингвистическую теорию и языковую интуицию говорящих, их имплицитные знания о родном языке.

Суммарный анализ трактовок пословиц и поговорок в работах, посвященных проблемам паремиологии, позволяет заключить, что поговорка в общем виде определяется как воспроизводимый в речи оборот назидательного характера, как правило, структурно равный предложению, в котором получают отражение и оценку культурно значимые феномены народной жизни. К числу их отличительных признаков относятся воспроизводимость (постоянство формы и выражаемого значения), образность, дидактичность и связанная с нею прагматичность, обобщающий характер значения, связь с фольклором. Результаты, полученные при экспериментальном исследовании паремиологического состава русского языка, свидетельствуют о том, что у носителей языка, не имеющих специального филологического образования, существует вполне сложившееся опытное знание о содержании терминов *пословица* и *фразеологизм*, о признаках, по которым они опознаются и различаются. Эту сумму языковых знаний можно назвать «наивной паремиологией». «Наивнопаремиологические» представления хотя и не могут претендовать на самостоятельную ценность, однако содержат вполне убедительные сведения о качественно-количественном составе паремий, закрепленных в языковой памяти среднего носителя русского языка и могут быть использованы как «фон» для решения теоретических и практических проблем паремиологии и фразеологии. Социолингвистический эксперимент, проведенный среди учащихся г. Боровичи Новгородской области, получивших задание записать известные им пословицы и поговорки, показал, что не-паремические выражения (свободные, фразеологические, другие) составляют лишь незначительный процент полученных ответов. Обращает на себя внимание и то, что загадки, скороговорки, приметы, присловья, приговорки, крылатые выражения, причисляемые многими исследователями к паремиям вслед за Г.Л.Пермяковым, приводятся носителями языка очень редко (в 16% случаев из 980 ответов). Так же минимален и состав ФЕ (9%), что противоречит сложившейся в последнее время тенденции расширенно толковать состав поговорок.

На основании материалов эксперимента можно составить представление о том, какие «образы» пословиц и поговорок закрепились в языковой памяти носителей языка. Как и любая «память объекта», они представляют собой определенную совокупность признаков, свойств, характеристик, позволяющих знать объект, т.е. опознавать его, выделять и отождествлять среди других, сходных. Сопоставление ответов респондентов, как положительных, так и «отрицательных», позволяет очертить круг признаков, которые формируют в индивидуальном коммуникативном опыте говорящих представления о паремиях (по-

словицах, поговорках) и фразеологизмах и по которым они различаются или отождествляются как «одно и то же».

Во-первых, пословицы и поговорки характеризуются особой структурной организацией: имеют форму предложения-суждения. Это подтверждается тем, что даже фразеологизмам, ошибочно включенным в список паремий, информанты, как правило, придают форму предложения, например: *Живут как кошка с собакой; Не делай из мухи слона; Знай во всем золотую середину; Кричит благим матом; Как в воду смотрел; Каши с ним не сварить; Каши мало ела* — или приводят такие ФЕ, которые уже имеют форму предложения, например: *В кармане ветер свищет; Гол как сокол; Держи карман шире; (Как) кот заплакал; Кто в лес, кто по дрова; Когда (пока) рак на горе свиснет; Кишка тонка; Медведь на ухо наступил* и др.

Появление фразеологизмов в экспериментальном списке паремий можно рассматривать как свидетельство в пользу того, что паремиологические единицы (ПЕ) имеют черты сходства с единицами фразеологического состава, и оно закреплено в «наивных» лингвистических представлениях носителей языка.

Вторым признаком паремий, по данным эксперимента, является их дидактический характер, или дидактическая коннотация [4], которая обусловлена тем, что в каждой паремии неизбежно заложено поучение, заключены неписанные правила поведения. Об этом в первую очередь свидетельствуют встретившиеся в языковом материале обороты, не являющиеся ПЕ: все они содержат в себе наставления, нравоучения, житейские суждения по поводу важных событий частной и общественной жизни, например: *В движении — жизнь; Приобрести друга нелегко даже за один год, но обидеть друга можно за одну минуту; Время как песок; Друг никогда не бросит в беде; За облаками всегда есть солнце; Мир без книг — мир дикарей; Любовь подобна солнцу после дождя; Язык твой — лев, дать ему свободу — он тебя съест; Чем сильнее гром, тем светлее будет солнце; Умей любить, умеи страдать; Труд облагораживает человека; Стрижка хорошо, а коса лучше; Слава ищет смелых; Слово — ключ, открывающий сердце.* Некоторые из приведенных оборотов можно рассматривать как семантическое истолкование пословиц и поговорок: *Бог не дает таких испытаний, которые человек не мог бы вынести* (ср.: Даль: *Чего Бог не пошлет, того человек не понесет*); *Болтун славит себя языком, а мастер делом* (*Суди по человеку, а не по его словам*).

Выражения такого рода можно было бы называть индивидуально-авторскими квазипаремиями. Среди них можно выделить немногие, которые имеют образный, переносный смысл и, как следствие, наделены особой экспрессивностью: *Язык твой — лев, дать ему свободу — от тебя съест; За облаками всегда есть солнце; Любовь подобна солнцу после дождя.*

Результаты эксперимента свидетельствуют также о том, что пословицы и поговорки наделяются

в лингвистической памяти говорящих и такими свойствами, как воспроизводимость и общезначимость, что подтверждается включением в списки, полученные от респондентов, цитат, ходячих выражений — приговорок, присловий, присказок: *О спорт, ты мир! О спорт, ты красота! О спорт, ты вдохновение!; По усам тепло, в рот не попало; Сказка ложь, да в ней намек: добрым молодцам урок; Умная мысль приходит опосля; Эй вы, пятеро, идите ко мне четверо, если я вас завтра троих увижу, обоим уши надеру! Ты меня понял?* и др.

Таким образом, показателем, который обуславливает разнотипность паремий (пословиц, поговорок) и фразеологизмов для говорящих, оказывается их формальная, логико-структурная организация; он же признается главным типологическим признаком паремий и в некоторых паремиологических концепциях. Другие слагаемые «образа» пословиц (дидактическая коннотация, образность, экспрессивность, воспроизводимость и общезначимость) осознаются носителями языка как второстепенные. Отметим также, что обобщающий термин «паремия» для носителей языка «наполняется» именно пословичным материалом: во всяком случае, в составе живых и активных паремий современного русского языка по данным проведенного опроса преобладают пословицы (67 пословиц, тогда как поговорок только 25 поговорок из 499, полученных от респондентов).

Итак, сопоставление знаний о языке, формирующихся на основе речевой практики говорящих, и научных лингвистических знаний позволяет предста-

вить, как преломляется в сознании говорящих система языка. Результаты лингвистического эксперимента свидетельствуют о том, что речевой опыт говорящих, не имеющих специальной филологической подготовки, в целом не противоречит научно обоснованным характеристикам русских паремий, хотя и не вполне коррелирует с ними.

1. Козырев В.А., Черняк В.Д. Образовательная среда. Языковая ситуация. Речевая культура. СПб., 2007. С. 117.
2. Кубрякова Е.С. Обеспечение речевой деятельности и проблемы внутреннего лексикона // Человеческий фактор в языке: Язык и порождение речи. М., 1991. С. 87.
3. Русский ассоциативный словарь. В 2 т. Т. 1. От стимула к реакции: Ок. 7000 стимулов / Ю.Н.Караулов, Г.А.Черкасова и др. М., 2002. С. 21.
4. Котова М.Ю. Славянская паремиология. СПб., 2004. С. 28.

References

1. Kozyrev V.A., Chernyak V.D. Obrazovatel'naya sreda. Yazykovaya situatsiya. Rechevaya kul'tura. Educational environment [The language situation. Speech culture]. Saint Petersburg, 2007, p. 117.
2. Kubryakova E.S. Obespechenie rechevoy deyatel'nosti i problemy vnutrennego leksikona [Ensuring the speech activity and problems of internal lexicon]. The Human factor in the Language and generation of speech. Moscow, 1991, p. 87.
3. Karaulov YU.N., Cherkasova G.A. et al. Russkiy assotsiativnyy slovar' [Russian associative dictionary]: In 2 vol. Vol. 1. From stimulus to response. Moscow, 2002, p. 21.
4. Kotova M. Slavic paremiology. Saint Petersburg, 2004, p. 28.